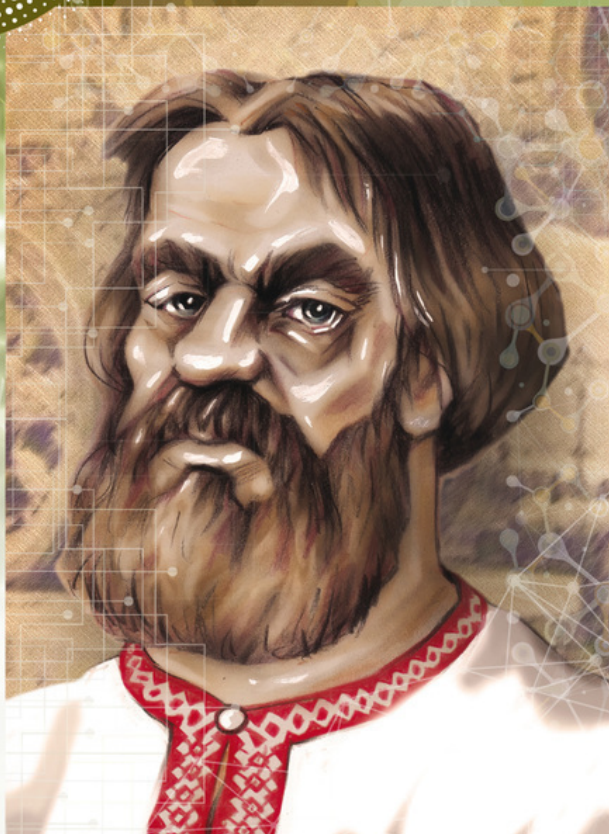

Андрей ЧОХОВ

6

Дмитрий Алексеевич Гутнов

Андрей Чохов

Серия «Великие умы России», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23515009

Гутнов Д. Андрей Чохов: Комсомольская правда; Москва; 2016

ISBN 978-5-4470-0197-1

Аннотация

Личность человека, чье имя стоит в названии данной книги, довольно таинственна, если не сказать загадочна. Даже имя его есть в большой степени условность. Андрей Чохов – именно так мы привыкли именовать этого мастера. Однако же если имя его Андрей не вызывает споров, то Чохов – это не фамилия, по крайней мере в том ее значении, которое мы используем сегодня. Формулировка «Андрей Чохов сын», как обычно в прижизненных документах XVI – начала XVII вв. обозначали этого мастера, дословно означает, что отца Андрея звали Чох. Доподлинно неизвестно, когда он родился, как, впрочем, и когда он умер. Вообще, большая часть его личной биографии теряется во мгле того непростого времени, в котором он жил. Это же обстоятельство сказалось и на том, что о жизни и деятельности Андрея Чохова почти не сохранилось никаких архивных документов. Зато широко известен его талант металлурга и инженера, сыгравшего важную роль в развитии

отечественных технологий литья, изготовления артиллерийских орудий и колоколов. Зримым олицетворением его таланта сегодня является всем известная Царь-пушка – один из крупнейших в мире бронзовых цельнометаллических орудийных стволов своего класса, которая ныне находится в Кремле. Но она не одна.

Единственными сохранившимися свидетелями жизни этого знаменитого русского литейщика были и другие его детища: пушки и колокола. А надписи на них до сих пор служат для нас главными скрижалями его биографии. В предлагаемой книге делается попытка восстановить через их призму основные вехи биографии этого замечательного мастера.

Содержание

Вводные значения	6
О литье пушек на Руси	14
Московский Пушечный двор: его расположение, сотрудники и технология производства	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Гутнов
Андрей Чохов
около 1545 –
предположительно
8 декабря 1629

© ИД «Комсомольская правда», 2016 год.

* * *

Вводные значения

Личность человека, чье имя стоит в названии данной книги, довольно таинственна, если не сказать загадочна. Даже имя его есть в большой степени условность. Андрей Чохов – именно так мы привыкли именовать этого мастера. Однако же если имя его, Андрей, не вызывает споров, то Чохов – это не фамилия, по крайней мере в ее сегодняшнем значении. Дело в том, что до второй трети XIX века, когда подавляющее число населения нашей страны (крестьяне) обрели личную свободу, а вместе с ней какие-никакие гражданские права, фамилии имел лишь очень ограниченный круг людей из числа элиты. В обиходе обходились отчествами. Поэтому формулировка «Андрей, Чохов сын», как обычно в прижизненных документах XVI – начала XVII века, обозначали этого мастера, дословно означает, что отца Андрея звали Чох (или Чёх). Общеизвестные ныне правила русского правописания тогда не действовали.

Строго говоря, биографии Андрея Чохова как таковой нет. Мы не знаем в точности, ни когда он родился, ни когда умер, кто были его родители и какой была его семья. Доподлинно неизвестно, с какого времени он был принят на работу в Московский Пушечный двор и как он производил расчеты своих пушек и колоколов, снискавших ему славу в веках. Его архива не сохранилось. Впрочем, неизвестно, был

ли он вообще, ибо в XVI веке в нашей стране грамотных людей было очень мало, а бумага, перья и чернила были дороги. Грамоты не знали даже некоторые ближние бояре, не говоря о большинстве смертных (бояре, например, до конца жизни попрекали Бориса Годунова незнанием Священного Писания). Неизвестно даже место, где похоронен Андрей Чохов. Поэтому единственными свидетелями и одновременно вехами его биографии являются те пушки и колокола, которые были им сработаны, а главными письменными свидетельствами его жизни являются надписи на стволах пушек и колоколах, в которых он сообщает нам, в каком году, где и по повелению какого царя он выполнял свою работу. Поэтому книга, в название которой вынесено имя мастера, по факту становится книгой о его творениях – о пушках и колоколах его работы.

Личность Андрея Чохова могла бы и не быть столь таинственной, если бы не превратности нашей истории. Дело в том, что архив Пушкарского приказа, где содержались основные сведения о деятельности и сотрудниках Московского Пушечного двора, с которым была неразрывно связана биография нашего героя на протяжении 60 лет, традиционно хранился в архиве Московского департамента Сената, располагавшемся в Кремле. Документы этого архива не были вывезены оттуда во время эвакуации города в 1812 г. Отступая из Москвы в 1812 г., французы, как известно, сумели частично взорвать некоторые стены и башни Московского Кремля.

В одной из них располагалось архивохранилище, где и хранились дела Пушкарского приказа. Часть документов сгорела, часть была расхищена, использована в качестве упаковки на рынках, попала в частные собрания и т. д. Остатки этого архива в большом беспорядке хранились в подвалах кремлевских сооружений до 1832 г., когда ординарный академик Российской АН Иосиф Христианович Гамель получил задание исследовать их. Ему удалось собрать 4 ящика документов Пушкарского приказа, которые были переданы в 1863 г. в Главное артиллерийское управление Военного министерства и хранились там до 1870 г.

И. Г. Гамель.

Разобраться с содержимым этих ящиков было поручено

известному русскому военному историку, музейному организатору и археологу Николаю Ефимовичу Брандербургу. Проведя обследование документов, он установил, что «два ящика пропали, а книги и документы двух других были частично отправлены в Арсенал для переработки». Таким образом, большая часть столь ценных для освещения рассматриваемой темы документов утеряна безвозвратно. Правда, за истекшие полтора века некоторая часть утерянных в войне 1812 г. документов была обнаружена в частных коллекциях, оказалась в разрозненном виде в разных библиотеках или передана обратно в государственные архивы, найдена в копиях в других фондохранилищах. Что же до личности самого Андрея Чохова, то первую попытку систематизировать все сведения, сохранившиеся в русских архивах об этом человеке, предпринял известный русский историк, археограф и первый директор Императорского Исторического музея (ныне ГИМ) Иван Егорович Забелин. После публикации его архивных изысканий в 1872 г. и до сего времени принципиально новых сведений о личности этого выдающегося русского литейщика и инженера найдено не было.

Н. Е. Бранденбург.

И. Е. Забелин.

Суммируя всю имеющуюся у нас информацию, попробуем если не приоткрыть завесу тайны над личной биографией Андрея Чохова, то хотя бы над тем местом, где он проработал, по сути, всю свою сознательную жизнь, – Московским Пушечным двором.

О литье пушек на Руси

В силу всего вышесказанного, о детстве и юности Андрея Чохова можно только догадываться. Известно лишь, что он был принят на Московский Пушечный двор подмастерьем к мастеру Кашперу Ганусову, и первое свое самостоятельное творение – медную пищаль – отлил в 1568 г. «На ней орел двоеглавной, наверху орла три травы, у казны трава ж, в травах подпись: Лета 7076 (1568 г.). Делал Кашперов ученик Андрей Чохов. Весом 43 пуда», – гласила надпись на орудии.

Пушка Кашпера Ганусова.

Об учителе Андрея Чохова мастере Кашпере Ганусове известно, что он числился при Московском Пушечном дворе с 1550 по 1564 г. и по происхождению был «немцем». В силу того, что немцами («немыми» людьми) в ту пору называли всех иностранцев, сегодня национальную принадлежность Ганусова оценить затруднительно. Он мог быть и выходцем из германских земель, и голландцем, шотландцем, литвином или кем-то иным. Но это не важно. Нам известно, что за проведенное в Москве время он отлил как минимум

одиннадцать орудийных стволов, ни один из которых до нашего времени в целом виде не сохранился. Но еще в конце XVII в. его пушки не были редкостью в описаниях «крепостных нарядов» многих русских городов. Так, в одном Смоленске пушек его работы насчитывалось пять, а опись «московского крепостного наряда», относящаяся к началу XVIII в., упоминает еще о восьми орудиях Ганусова весом от 36 до 52 пудов, три из которых датированы 1566 г. Единственная пушка его работы, и то в весьма потрепанном виде, ныне экспонируется в Музее артиллерии в Санкт-Петербурге.

Наиболее известным его орудием стала первая Царь-пушка – гигантское по тем временам орудие, отлитое из чугуна в 1554 г., длиной 448 см, калибром около 53 см, весом 19 тонн. Стреляла она каменными ядрами весом в 320 кг. На изготовление ее у Ганусова с учениками ушло около полутора лет. Можно предположить, что Андрей Чохов в это время уже был учеником этого мастера. До начала XVIII в. эта пушка наряду с Царь-пушкой Чохова украшала Красную площадь, но затем по приказу Петра Великого была отправлена на переплавку. Поэтому ныне довольно трудно определить тип этого орудия. Учитывая косвенные данные на основе описи пушки, сохранившейся в архиве Пушкарского приказа, большинство исследователей классифицируют ее как мортиру.

Сохранились сведения еще о нескольких пушках Ганусова. Большая 150-пудовая пищаль «Гладкая» кашперово-

го литья участвовала во Второй Смоленской войне в 1632–1634 гг. Другое орудие – 185-пудовая пищаль «Острая Пана», в течение многих лет находилось в составе Смоленского «крепостного наряда». Известно, что из восьми числившихся в Московском Кремле до начала XVIII века его пушек пять участвовало в осаде Нарвы Петром I в 1700 г. и были там утеряны в ходе отступления русской армии.

С именем Ганусова связывают также и отлитый им в 1550 году благовестный колокол рекордным весом в 22 000 пудов (около 35 тонн). Он был назван «Лебедем» из-за светлого оттенка металла. Огромный вес колокола потребовал отдельно стоящей деревянной звонницы, поскольку звонные ярусы колокольни Ивана Великого по тем временам вмещали лишь колокола весом не более 500 пудов. Судьба колокола оказалась непростой – в 1571 году Москву разорил крымский хан Девлет-Гирей: во время разграбления столицы он был поврежден. Чтобы колокол снова ожил, его требовалось перелить – расплавить и отлить из получившегося металла новый, имеющий ту же форму. Именно эту операцию и доверили ученику Кашпира – нашему герою Андрею Чохову. Согласно одной из устоявшихся версий его биографии (впрочем, не имеющей документального подтверждения) успешно восстановив колокол, Чохов стал мастером на Пушечном дворе.

Так или иначе, в силу приведенной выше надписи на пушке считается, что временем начала работы А. Чохова как

самостоятельного мастера на Московском Пушечном дворе все же является 1568 г. Исходя из этой даты и зная, что в середине XVI–XVII вв. срок пребывания учеником мастера составлял 10, 20, а то и все 30 лет, чисто теоретически считается, что дата рождения нашего героя лежит где-то в промежутке между 1540–1545 гг.

Общеизвестен факт, что первые пушки заговорили со стен белокаменного тогда еще Кремля в 1382 г. при попытке взять Москву ханом Тохтамышем. Правда, пушки эти, называемые летописью тюфяками, ни по размеру, ни по калибру не подходят под наше представление о том, что является артиллерией в современном понимании этого слова. Они были гораздо меньше тех пушек, которые ныне украшают своим грозным видом здание Арсенала в Московском Кремле, не имели стандартного калибра, наиболее ранние из них были еще не литыми, а сварными: орудийный ствол изначально получали при помощи сварки свинцом откованных железных полос, скрепленных затем медными обручами наподобие бочек. Отдельно изготавливали казенную часть. Такая техника была пригодна для изготовления лишь орудий небольшого размера и не могла обеспечить их надежную эксплуатацию.

Тюфак XIV в.

Ствол железный, кованый. Диаметр казенного
отверстия — 90 мм. Длина — 440 мм. Масса — 3,5 кг.
Изготовлен во второй половине XIV — начале XV в.
Представляет собой наиболее ранний образец казенно-
ствольного орудия.

Тюфак XIV в.

Стреляли они по преимуществу каменным дробом (картечью). Не буду говорить, что скорострельность, прицельность, дальность стрельбы подобных орудий также желали лучшего. Более того, качество пороха и такой тип конструкции приводили к тому, что первые орудия заряжались с казенной части. Патрон с зарядом состоял из металлического сосуда с рукоятью, укреплявшегося в задней части ствола специальными клиньями. Часто случалось, что во время выстрела этот «патрон» разрывался и своими осколками поражал близко стоящих людей, а ствол пушки разлетался вдребезги. Поэтому первые пушкарки перед выстрелом обычно

прятались в укрытия или ямы. Тем не менее и такие пушки считались грозным оружием своего времени.

Одним из уникальных образцов подобного вооружения является старейшая из сохранившихся русских пушек, которая ныне является экспонатом краеведческого музея Твери. Эта пушка выкована из одного куска железа. Поскольку изготовлена она в XV веке, у нее нет столь характерных для более позднего времени цапф и дельфинов, а к торели вместо винограда приварено кольцо. Ее калибр составляет 140 мм, а длина ствола – 4100 мм. Короткий ствол и расширение канала ствола от казанной к дульной части может свидетельствовать, что перед нами один из ранних образцов мортир – орудий, предназначенных для навесной стрельбы.

В связи с вышеозначенными недостатками кованых орудий уже в XV в. изготовление артиллерийских орудий перешло из рук кузнецов к «литцам» – литейных дел мастерам, ибо литые орудия были более прочны и надежны. Технология литья к тому времени была наиболее разработана лишь в изготовлении колоколов. Поэтому первыми специалистами-оружейниками стали мастера, основным занятием которых до этого было литье колоколов. Тем же был и материал: медь с присадками олова. Правда, получавшаяся из этого сплава бронза, придававшая колоколу густой и благозвучный звук, не подходила артиллеристам: она была мягкой и часто не выдерживала давления пороховых газов, образующихся в стволе во время выстрела. Поэтому ее состав

для оружейных нужд был изменен. Единого рецепта оружейной (как, впрочем, и колокольной) бронзы не существовало. Каждый мастер хранил свои секреты и использовал результаты их испытаний сам. Хотя естественно, что за годы практической работы допустимое соотношение меди и олова в бронзе для пушек и колоколов было экспериментально установлено и проверено. Однако ни о какой стандартизации изготовления в то время речи еще не было.

Станок для стрельбы и пушка XV в.

Во всех случаях цельнолитая пушка из бронзы была пред-

почтительнее. Во-первых, значительно ускорился и упростился процесс производства, появилась возможность более точно воспроизводить калибр орудия. Во-вторых, появилась возможность существенно улучшить конструкцию. К таким улучшениям следует отнести цапфы, позволявшие проще менять угол наклона орудия при стрельбе, дельфины – скобы на стволе для его удобной переноски, простейшие прицельные приспособления (мушка и прорезь).

Поначалу в качестве снарядов для пушек использовались каменные ядра. Довольно много таких ядер и сегодня находят археологи и строители при ремонте брусчатки на Красной площади, при археологических раскопках в районе Китайгородских стен, Земляного вала и в других местах. И лишь много позже ядра стали лить из железа. Довольно долго практиковались и снаряды, изготовленные по «переходной» технологии: каменное ядро обливалось свинцом и в таком виде использовалось в качестве артиллерийского снаряда. Появившиеся позже железные ядра выковывались на наковальнях, а потом вытачивались на точилах. Для поджигания деревянных построек и укреплений неприятеля перед самым выстрелом ядра докрасна калили в специальных горнах и обматывали тряпьем.

Образцы ядер XV–XVI вв.

Московский Пушечный двор: его расположение, сотрудники и технология производства

Первую попытку регулярного промышленного производства артиллерийских орудий в Московском княжестве предпринял великий князь Иван III. После его женитьбы на последней византийской принцессе Софье Палеолог из Европы (по-преимуществу из Италии) в Россию прибыла большая группа инженеров, которым было поручено возведение кремлевских соборов, а также стен и башен нового (краснокирпичного) Московского Кремля. Наиболее известна здесь фигура знаменитого итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти – строителя нынешнего Успенского собора в Кремле. Ему же Иван III поручил организацию в Москве производства артиллерийских орудий. Как сообщает на сей счет летопись: «Возвратился посол Толбузин и привел с собой мастера с именем Аристотель, который ставил церкви и палаты, также и пушечник, он нарочит лити их и бити в них и колоколы и иное все лити хитр вельми». Из ремесленников, прибывших в Россию вместе с Аристотелем Фиораванти, но занимавшихся литьем исключительно пушек и колоколов, можно назвать мастера Павла Дебоса – автора первой Царь-пушки, о чем мы поговорим чуть ниже.

Большая литейная мастерская для отливки пушек, называвшаяся «пушечной избой», была впервые устроена около 1479 г. (в 1488 г. сгорела во время большого московского пожара). Она находилась у Фроловских (нынешних Спасских) ворот Кремля. Во время пожара 1500 г. «пушечные избы» упоминаются в документах уже вблизи реки Неглинной. Под 1508 г. они опять встречаются в летописях во множественном числе на том же месте. Позже говорится про Пушечный двор, сгоревший в пожар 1547 г. и отстроенный на старом месте заново.

Собственное производство пушек и вообще оружия имело огромное значение для молодой российской государственности, так как западноевропейские страны в целях ослабления военно-технических (а вслед за ними и внешне-политических) возможностей нашей страны регулярно вводили против нее разного рода, как сейчас говорят, «санкции». Так, в 1493–1495 гг. русских послов с нанятыми заморскими мастерами не пропустили через владения Речи Посполитой поляки. Когда те повернули в Валахию, то местный князь вообще задержал посольство, а мастеров заставил работать на себя. В 1533 г. в г. Любеке совещанием всех приморских городов прибалтийских стран, именовавшихся Ганзейским союзом (не путать с современными странами Прибалтики!) было решено не поддерживать морской торговли с русскими, чтобы «они не обучались воинскому искусству и не имели оружия». Правда, уже к середине XVI в.

коммерческие интересы все же взяли вверх над военно-политическими (особенно после того, как Иван Грозный дал преференции в торговле с Россией английской Московской компании). Любекские купцы стали ввозить в Россию через Финский залив даже серу, железо, красную и зеленую медь, свинец и оружие. Это, кстати говоря, вызвало неудовольствие шведской короны, которая увидела в развитии торговли с Россией угрозу своим интересам. Сохранилась переписка шведского и датского дворов, в которой в 1557 г. шведский король Густав I обращался к своему датскому коллеге с просьбой воспрепятствовать английским кораблям плавать к устью Северной Двины. Собственно, одним из поводов к началу Ливонской войны было раздражение Ивана Грозного властями Ливонского ордена, которые не пропустили в Москву мастеров-оружейников и офицеров, нанятых в Европе для подготовки войны с Казанским ханством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.